

Л.В. Клименко

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье на материале прикладных социологических исследований рассматриваются изменения гендерных отношений, произошедшие за период с 2004 по 2010 гг. на полиэтничных территориях Северного Кавказа. По критериям содержания установок на характер гендерного взаимодействия в публичной и приватной сферах, а также на основе совпадения (несовпадения) гендерных подгрупп в данных установках выделяются три устойчивых типа гендерных отношений: консервативный (Ингушетия и Адыгея), переходный (Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария) и модернизированный (Ростовская область).

Ключевые слова: *Северный Кавказ, этнические традиции, гендерные установки, трансформация гендерных отношений, публичная и приватная сфера.*

Keywords: *North Caucasus, ethnic traditions, gender orientations, transformation of gender relations, public and private spheres.*

Трансформация социально-политической жизни российского общества, расширение информационного пространства и многообразие видов коммуникаций привели к вовлечению России в глобальные процессы, и в частности, в активную реализацию модернистского проекта. Однако историко-культурное своеобразие российского общества — его территориальные масштабы, значительное различие его регионов, характеризующихся неодинаковым уровнем социально-экономического развития, — детерминируют неравномерность изменения общества. Наиболее противоречиво и неоднозначно продвижение к современным формам организации социальной жизни реализуется на Северном Кавказе.

Данный регион характеризуется специфическими особенностями, заключающимися в высоком уровне этнокультурной гетерогенности,

преимущественном сохранении традиционных механизмов социальной регуляции и внутриэтнических солидарных связей. В таких условиях привнесенные в традиционную среду элементы современного общества зачастую перестают функционировать в нем как рациональные, что выражается, в частности, в том, что распространение новационных идей и инициатив приобретает антимодернистский и протестный характер. Поэтому при анализе глубины модернизационных сдвигов в северокавказском регионе следует изучать не только трансформации в экономической и политико-правовой сферах, но и в первую очередь исследовать социокультурные условия и индикаторы данного процесса.

Для народов, в значительной степени сохранивших традиционную культуру, в качестве важнейшего социокультурного индикатора, маркирующего степень продвижения по пути модернизации, выступают содержательные характеристики гендерных отношений. Включение северокавказского региона в современную социальную динамику влечет за собой разрушение традиционных структур организации этноса, стержневым элементом которых являются принципы регулирования межполового взаимодействия, что, в свою очередь, влияет на содержание гендерных паттернов и предполагает выработку новой модели гендерных отношений. Вместе с тем гендерное измерение социальных трансформаций в трактовке современных исследователей проявляется не только через региональную специфику, но имеет и универсальную природу, т. к. повсеместное демократическое переустройство общественной жизни не может быть полным без преодоления гендерной асимметрии. «В изменении характера власти и одновременно ее разделении, т. е. перераспределении полномочий между различными ветвями власти, между государством и гражданским обществом, между мужчинами и женщинами, по большому счету состоит суть модернизации общественных систем, суть их демократического устройства» (Айвазова 1998: 6). Следовательно, говоря о глубине происходящих модернизационных сдвигов не только в культуре коренных народов Северного Кавказа, но и среди русского населения Юга России, необходимо учитывать характер и вектор трансформации гендерной системы, ценности и регулятивные механизмы которой выступают в качестве важнейших составляющих социетальной сферы общества.

Такая постановка проблемы определила содержание серии прикладных социологических исследований, проведенных по идентичному инструментарию в разных типах субрегионов Северного Кавказа:

- 1) «русскоязычные» субъекты с достаточно выраженным уровнем урбанизированности и индустриализации, население которых ориентировано на модернистские типы социального взаимодействия (Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край);

- 2) северокавказские республики, представляющие переходный тип между традиционным и индустриальным уровнем социально-экономического развития (республики, включающие адыгские этнические группы, — Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, а также Северная Осетия — Алания);
- 3) республики преимущественно традиционной культуры с демодернизированной экономикой, население которых относится к нахско-дагестанской группе (Ингушетия, Чечня, Дагестан).

Такое сегментирование макрорегиона Северного Кавказа обосновано в работах многих исследователей (см., напр.: Денисова, Уланов 2003; Матишов, Авксентьев, Батиев 2008; Авксентьев, Гриценко, Дмитриев 2008; Хоперская 1997; Юг России 2010). Как правило, социокультурные процессы в данных субрегионах протекают однотипно, что позволяет в сравнительном анализе использовать разные территориальные субъекты Северного Кавказа, представляющие одну и ту же типологическую группу.

Постановка проблемы определила содержание серии прикладных социологических исследований, проведенных по идентичному инструментарию в два этапа. На *первом этапе, в 2004 г.*, в Карачаево-Черкесской республике (КЧР) опрошено 334 человека, в Республике Ингушетия (РИ) — 270 человек и в Ростовской области (РО) — 276 человек. На *втором этапе, в 2010 г.*, в Республике Адыгея (РА) опрошено 300 человек, в Республике Ингушетия — 300 человек, в Кабардино-Балкарской республике (КБР) — 262 человека и в Ростовской области — 300 человек. Социально-демографические параметры выборки представлены в Приложении. Исследование осуществлялось по «разведывательному типу» (Ядов 1998: 112) методом стандартизированного интервью.

В качестве маркеров трансформации гендерных отношений при переходе от традиционных к современным принципам социальной организации северокавказских обществ в исследовании выступали следующие показатели: *в частной области* анализируются проблемы гендерной иерархии в семье, межполового разделения домашнего труда; соблюдение обычаев гендерного этикета; *в публичной сфере* изучается характер гендерных референций, касающихся социально-экономической и политической активности женщин.

Анализ традиционных обществ Северного Кавказа показывает, что по выделенным индикаторам модели гендерных отношений у коренных народов данного региона можно охарактеризовать как «андроцентрические» (Солдатова 1998: 236). Это проявлялось в аскриптивном приоритете статуса мужчины (в первую очередь, старшего) в семье, гендерном и возрастном разделении труда, обычаях избегания, исключении

женщин из общественно-политической жизни, ограничении их имущественных прав (Дзусев 1998; Смирнова 1997; Карпов 2001; Кузнецова 2002). В советский период данный гендерный порядок был подвергнут существенной трансформации практикой активного вовлечения женщин в производственную деятельность, распространением нуклеарного типа семьи, что в значительной степени ослабило главенство старшего мужчины в семье. Однако в семейно-бытовой сфере в отношениях между полами в большинстве случаев продолжала воспроизводиться традиционная модель доминирования и подчинения (Клименко 2004; Тыкова 2006; Шоранова 2010).

Устойчивость традиционных институтов этнокультуры народов, населяющих Северный Кавказ, несмотря на происходящие с начала 1990-х гг. политические, экономические и социальные перемены, продолжает определять содержание гендерного взаимодействия и в постперестроечный период развития региона. Результаты этносоциологических исследований показывают, что большинство мужчин Юга России и в 2004 г., и в 2010 г. ориентированы на традиционный гендерный дисплей — оценку своего семейного статуса как лидирующего и поддержание межполового разделения труда. Вместе с тем эмпирические замеры фиксируют трансформацию взглядов на семейно-брачные, личностные и хозяйственные отношения в домашнем быту *со стороны женщин*, которые с разной степенью выраженности, но *ориентированы на декомпозицию традиционной модели семейных отношений* в аспекте расширения границ нормативного гендерного поведения (табл. 1).

Сравнительный анализ материалов опроса показывает, что в 2004 г. больше всего указаний на главенство мужа и со стороны мужчин, и со стороны женщин выявлялось в Ингушетии, далее расхождения увеличивались в Карачаево-Черкесии. В Ростовской области был зафиксирован наибольший процент указаний на главенство женщины или на равноправие в семье. Эмпирические данные 2010 г. показали сближение гендерных оценок в наблюдаемых республиканских сегментах. Можно говорить о *тенденции роста статуса отца (свекра) в семье*: в настоящее время от 32,3 % до 42,9 % жителей северокавказских республик разделяют традиционную этнокультурную установку на доминирование старшего мужчины в семье (табл. 1).

Качества, которые детерминируют роль главы семьи, также варьируются в зависимости от региона проживания и гендерной принадлежности респондентов. Общим местом остается процентное преобладание позиций «пол», «сила характера» и «возраст» в качестве параметров, определяющих лидерство в семье. В опросе 2004 г. фиксировалось расхождение между ответами мужчин и женщин в сторону ослабления для

**Распределение по группам ответов на вопрос:
«Кто глава вашей семьи?» (в %)**

Место опроса / Пол		Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Равноправие
Опрос 2004 г.						
КЧР	муж	80,0	5,0	10,0	0,0	5,0
	жен	43,5	16,5	11,8	9,4	18,8
РИ	муж	65,2	6,5	23,9	4,3	0,0
	жен	72,9	4,7	15,3	3,5	3,5
РО	муж	84,2	10,5	0,0	-	5,3
	жен	58,7	21,7	4,3	-	15,2
Опрос 2010 г.						
КБР	муж	48,6	-	42,9	2,9	5,7
	жен	40,3	5,2	33,8	3,9	16,9
РИ	муж	52,5	2,5	37,5	-	7,5
	жен	58,2	2,0	31,6	-	8,2
РА	муж	53,8	2,6	35,9	-	7,7
	жен	57,6	2,0	32,3	-	8,1
РО	муж	74,2	4,7	9,4	-	11,7
	жен	56,4	17,9	11,5	-	14,1

последних значимости аскриптивных качеств. Наибольшее число указаний на то, что гендерная принадлежность определяет статус в семье, встречалось в «ингушском» сегменте, далее по убыванию располагались Карачаево-Черкесия и Ростовская область. Исследование 2010 г. показало, что по всем северокавказским республикам прослеживается значимое увеличение доли опрошенных, которые статус главы семьи определяют исходя из его возраста. Кроме того, относительно большее число жительниц Ингушетии и Адыгеи делают акцент на половой принадлежности семейного лидера. Позиции опрошенных в Кабардино-Балкарии сопоставимы с данными, полученными в Карачаево-Черкесии. Наименьшая ориентация на аскриптивные параметры наблюдается в Ростовской области (табл. 2).

Сравнительный анализ внутрисемейного разделения труда по результатам опросов в 2004 и 2010 гг. показывает, что такие виды домашней работы, как приготовление пищи, покупка продуктов, стирка, уборка, глажка по традиции выполняются преимущественно женщинами. Тем не менее, прослеживается тенденция убывания выраженности гендерного разделения труда от Ингушетии и Адыгеи (наибольшая выражен-

**Распределение по группам ответов на вопрос:
«Чем определяется роль главы семьи?» (в %)**

Место опроса / Пол	Полом	Возрастом	Силой харак- тера	Матери- альным положе- нием	Высоким социаль- ным статусом	Наличием влия- тельных родствен- ников	
Опрос 2004 г.							
КЧР	муж.	36,4	36,4	13,6	4,5	4,5	-
	жен.	22,5	22,5	37,1	9,0	4,5	4,5
РИ	муж.	42,0	12,0	36,0	4,0	-	-
	жен.	28,0	16,1	37,6	9,7	1,1	1,1
РО	муж.	12,0	4,0	73,9	13,0	-	-
	жен.	12,1	6,9	50,0	15,5	3,4	3,4
Опрос 2010 г.							
КБР	муж.	31,7	18,3	26,7	8,3	3,3	-
	жен.	22,8	34,2	26,3	8,8	0,9	-
РИ	муж.	40,0	24,0	20,0	10,0	-	-
	жен.	35,5	20,9	28,2	10,9	9,0	9,0
РА	муж.	40,8	22,4	20,4	10,2	-	-
	жен.	35,1	21,6	27,9	10,8	9,0	9,0
РО	муж.	24,1	13,5	31,8	18,2	1,8	-
	жен.	9,4	14,1	43,5	14,1	4,2	5,0

ность) к Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (средняя степень) и к Ростовской области (меньшая степень). Что касается воспитания детей, то в республиках Северного Кавказа от 2004 г. к 2010 г. отмечается большая степень участия женщин в воспитании, а по Ростовской области показатели практически не изменились (табл. 3). Вместе с тем от первого ко второму этапам опроса фиксируется тенденция нарастания степени участия жительниц северокавказских республик в пополнении семейного бюджета в таких относительно «консервативных» республиках, как Ингушетия и Адыгея. Причем если в Кабардино-Балкарии пережитый экономический кризис потребовал мобилизации усилий всех членов семьи, в Ростовской области за прошедшие между этапами 6 лет повысился удельный вес заработков мужа в формировании основы семейного бюджета (табл. 3). На этом фоне изменились и процентные показатели участия различных членов семьи в управлении семейным бюджетом. В кавказских республиках с повышением статуса старших членов семьи возросла и степень их причастности к определению статей расхо-

дов, а в «ростовском» сегменте произошло перераспределение функций управления бюджетом от всех членов семьи в сторону женщины (жены) (табл. 3).

Таблица 3

Распределение по группам ответов на вопрос: «Кто в вашей семье преимущественно занимается следующими делами?» (в %)

	Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Дети	Все члены семьи
<i>Воспитанием детей — опрос 2004 г.</i>						
КЧР	26,0	43,7	4,3	7,8	3,5	14,7
РИ	23,7	48,5	3,6	11,8	0,6	11,8
РО	14,5	39,1	2,9	4,3	-	39,1
<i>Воспитанием детей — опрос 2010 г.</i>						
КБР	1,7	23,5	16,5	10,4	-	47,8
РИ	13,0	56,9	0,8	14,6	0,8	13,8
РА	13,0	56,9	0,8	14,6	0,8	13,8
РО	16,5	37,9	4,0	5,9	1,1	34,6
<i>Зарабатыванием денег — опрос 2004 г.</i>						
КЧР	48,1	28,7	1,7	1,7	5,1	14,8
РИ	52,2	30,4	5,4	1,6	2,2	8,2
РО	39,1	16,3	3,3	5,4	30,4	40,6
<i>Зарабатыванием денег — опрос 2010 г.</i>						
КБР	27,3	3,0	9,1	2,0	4,0	54,5
РИ	42,6	20,2	5,3	7,4	5,3	19,1
РА	42,6	20,2	5,3	7,4	5,3	19,1
РО	51,0	8,7	4,2	1,5	1,5	33,1
<i>Управлением бюджетом — опрос 2004 г.</i>						
КЧР	48,1	28,7	1,7	1,7	5,1	14,8
РИ	52,2	30,4	5,4	1,6	2,2	8,2
РО	39,1	16,3	3,3	5,4	30,4	40,6
<i>Управлением бюджетом — опрос 2010 г.</i>						
КБР	20,2	19,3	21,8	11,8	-	26,9
РИ	37,5	32,8	7,8	12,5	0,8	8,6
РА	37,5	32,8	7,8	12,5	0,8	8,6
РО	39,6	31,9	3,5	5,6	1,3	18,1

Рассмотрение характера имущественных отношений в семье отдельно по гендерным подгруппам показывает, что принятие решений о совершении различных покупок зачастую оценивается мужчинами и женщинами

по-разному. Если результаты опроса 2004 г. фиксировали, что в рассматриваемых республиках покупка недорогих вещей была преимущественно в ведении жен (причем женщины чаще приписывают себе эту функцию по сравнению с оценками мужчин), то в 2010 г. наблюдается значительно большее число указаний на решение подобных вопросов старшей женщиной в семье (матерью / свекровью). Особенно это характерно для Ингушетии и Адыгеи. В Ростовской области на двух этапах исследования процентные показатели свидетельствуют о совместном принятии решений супругами о расходах на недорогие вещи (табл. 4, 5).

Дорогие покупки, как показывают данные уже на первом этапе опроса, чаще совершаются в результате совета всех членов семьи в Кабардино-Балкарии, преимущественно мужчинами в Ингушетии и коллегиально в Ростовской области, хотя в «ингушском» подмассиве заметно

Таблица 4

Распределение по группам ответов на вопрос: «Кто в вашей семье принимает следующие решения?» (опрос 2004 г.)

		Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Оба супруга	Все взрослые члены семьи
<i>О покупке недорогих вещей</i>							
КЧР	муж.	15,8	38,5	-	-	30,8	19,2
	жен.	2,4	60,0	-	4,7	16,5	16,5
РИ	муж.	14,6	65,9	-	2,4	-	17,1
	жен.	1,2	63,0	-	11,1	11,1	13,6
РО	муж.	21,7	26,1	-	-	30,4	21,7
	жен.	4,5	45,5	-	4,5	25,0	20,5
<i>О покупке дорогих вещей</i>							
КЧР	муж.	25,0	25,0	-	6,3	25,0	18,8
	жен.	24,2	24,2	-	4,4	23,1	24,2
РИ	муж.	45,1	23,5	2,0	7,8	11,8	10,9
	жен.	29,1	30,2	3,5	4,7	20,9	11,6
РО	муж.	18,2	18,2	-	-	54,5	9,1
	жен.	4,3	28,3	-	-	41,3	26,1
<i>За кем остается последнее слово</i>							
КЧР	муж.	77,8	11,1	-	-	5,6	5,6
	жен.	40,4	31,5	11,2	4,5	7,9	4,5
РИ	муж.	68,9	15,6	6,7	8,9	-	-
	жен.	55,0	15,0	12,5	5,0	10,0	2,6
РО	муж.	60,9	4,3	-	-	26,1	8,7
	жен.	23,9	37,0	2,2	-	21,7	15,2

стремление женщин оспаривать в этом вопросе лидерство мужчин. Исследование 2010 г. показало, что в северокавказских республиках большую значимость приобретает мнение родителей (свекров) по этому вопросу. Также остается выраженной разница в ответах мужчин и женщин, которые чаще приписывают себе определяющую роль в принятии решений. В Ростовской области ситуация принципиально не изменилась (табл. 4, 5).

Таблица 5

Распределение по группам ответов на вопрос: «Кто в вашей семье принимает следующие решения?» (опрос 2010 г.)

		Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Оба супруга	Все взрослые члены семьи
<i>О покупке недорогих вещей</i>							
КБР	муж.	6,5	19,4	6,5	12,9	25,8	29,0
	жен.	5,6	33,8	1,4	7,0	25,4	26,8
РИ	муж.	8,6	48,6	2,9	17,1	8,6	10,0
	жен.	12,5	52,5	2,5	15,0	7,5	14,3
РА	муж.	8,8	50,0	2,9	17,6	8,8	11,8
	жен.	12,3	51,9	2,5	14,8	7,4	11,1
РО	муж.	25,0	16,1	1,6	2,4	41,1	13,7
	жен.	7,0	31,8	1,9	1,3	33,1	24,8
<i>О покупке дорогих вещей</i>							
КБР	муж.	18,2	6,1	24,2	-	-	18,2
	жен.	6,5	11,7	5,2	2,6	-	39,0
РИ	муж.	8,6	48,6	2,9	17,1	8,6	14,3
	жен.	15,9	30,5	3,7	13,4	23,2	13,4
РА	муж.	22,2	22,2	5,6	13,9	19,4	16,7
	жен.	15,7	30,1	3,6	13,3	22,9	14,5
РО	муж.	26,0	11,8	5,5	2,4	42,5	11,8
	жен.	15,8	19,0	1,3	6	40,5	22,8
<i>За кем остается последнее слово</i>							
КБР	муж.	45,7	-	28,6	-	-	17,1
	жен.	33,3	2,7	22,7	2,7	-	17,3
РИ	муж.	51,3	5,1	15,4	5,1	10,3	12,8
	жен.	46,0	18,4	16,1	6,9	6,9	5,7
РА	муж.	52,6	5,3	13,2	5,3	10,5	13,2
	жен.	45,5	18,2	17,0	6,8	6,8	5,7
РО	муж.	54,0	10,5	8,1	1,6	17,7	8,1
	жен.	37,3	20,9	2,5	3,2	24,1	12,0

Особенности традиционного гендерного дисплея, в соответствии с которым мужчины оценивают свою позицию во всех семейных делах как решающую, прослеживается у опрошенных мужчин во всех регионах: основная часть опрошенных мужчин указывала в 2004 г., что за мужем остается последнее слово в обсуждении всех вопросов (77,8 % — в Карачаево-Черкесии, 68,9 % — в Ингушетии, 60,9 % — в Ростовской области). Однако отношение к этой проблеме со стороны женщин различается по рассматриваемым сегментам проживания. Треть карачаевско-черкесских и ростовских женщин и только около десятой части ингушских отмечают свое доминирование в принятии окончательных решений по важным вопросам. Наиболее высок процент указаний на равноправие опять-таки в «ростовском» сегменте (табл. 4).

На современном этапе в республиках Северного Кавказа повышается авторитет старших членов семьи, но если в случае с принятием решений о покупках фиксируется большая роль матери (свекрови), то в случае принятия решений по важным вопросам последнее слово чаще остается за старшим мужчиной. Снижаются также процентные показатели оспаривания женщинами авторитета мужчин, причем и в Ростовской области. С другой стороны, в «ростовском» подмассиве эгалитарная модель принятия решений также не теряет своих процентных показателей (табл. 5).

Немаловажной в изучении трансформации гендерных отношений в северокавказском регионе является проблема следования этническим традициям и нормам на начальном этапе формирования семьи. Для традиционного общества характерно преимущественное вступление в брак по воле родителей. Согласно эмпирическим замерам на первом этапе опроса, большинство населения рассматриваемых территорий считало, что вступление в брак должно совершаться по собственному желанию, но с учетом мнения родителей (как это и произошло в их реальной жизни). Наиболее высокие показатели сторонников заключения брака только исходя из личных побуждений (около трети респондентов) фиксировались в Карачаево-Черкесии и Ростовской области. Спустя 6 лет установки опрошенных стали более консервативными, когда уже значительно большее число респондентов разделяют мнение о том, что выходить замуж или жениться нужно по воле родителей, а многие и реализуют эту установку в собственной жизни. Особенно это заметно в Ингушетии и Адыгее. В Кабардино-Балкарии наблюдается большой компромисс между традициями и новациями, а Ростовская область тяготеет к индивидуализации семейной жизни (табл. 6).

Неотъемлемой составляющей традиционной культуры автохтонных северокавказских народов являются обычаи избегания, которые в се-

Распределение по группам ответов на вопрос: «Каким образом, по вашему мнению, необходимо вступить в брак, и как это произошло в вашем случае?»

Место опроса	По воле родителей		По собственному желанию, учитывая мнение родителей		По собственному желанию, даже вопреки мнению родителей	
	необхо- димо	реальная практика	необхо- димо	реальная практика	необхо- димо	реальная практика
Опрос 2004 г.						
КЧР	14,6	16,1	78,8	51,0	6,6	32,9
РИ	11,6	12,7	80,2	79,7	8,3	7,6
РО	0,0	1,7	75,4	63,8	24,6	34,5
Опрос 2010 г.						
КБР	7,2	10,5	86,5	63,2	6,3	26,3
РИ	24,0	19,3	58,0	38,0	3,3	3,3
РА	28,1	31,9	68,0	62,6	3,9	5,5
РО	10,8	16,3	57,4	46,3	31,8	37,4

мейной сфере проявлялись через запрет собираться совместно за одним столом женщинам и мужчинам, а также младшим и старшим по возрасту и статусу в семейной иерархии. Проведенные в разные годы эмпирические замеры показывают, что на Северном Кавказе обычай, согласно которому жена в отсутствие в доме посторонних не участвует в семейной трапезе (т. е. не сидит за одним столом с другими членами семьи), неактуален как 6 лет назад, так и на современном этапе (хотя около десятой доли опрошенных на втором этапе в Ингушетии и Адыгее соблюдают его). Однако более жесткие требования предъявляются к соблюдению традиций в том случае, когда в доме находится свекор или тесть. Результаты опроса в 2004 г. показывали, что в подобной ситуации женщины не сидят родственниками-мужчинами за одним столом в 43,1 % случаев в Карачаево-Черкесии и в 96,4 % — в Ингушетии. В 2010 г. исследование зафиксировало, что эта традиция соблюдается в половине случаев в Кабардино-Балкарии и в 88,1 % случаев в Ингушетии и Адыгее (табл. 7).

Отметили, что жена участвует в семейных застольях в присутствии других родственников, 61,3 % карачаево-черкесских респондентов и 40,6 % опрошенных в Ингушетии в 2004 г. Примерно такое же соотношение процентных показателей по «традиционалистским» и «переходным» республикам в 2010 г., когда в Кабардино-Балкарии дают

положительные ответы более 60 % респондентов, а в Ингушетии и Адыгее около 40 % опрошенных (табл. 7).

Таблица 7

**Распределение по группам ответов на вопрос:
«Сидит ли в вашей семье жена за одним столом во время обеда
(завтрака, ужина) в следующих ситуациях?»**

	Опрос 2004 г.		Опрос 2010 г.		
	КЧР	РИ	КБР	РИ	РА
<i>Без посторонних</i>					
Да	97,5	94,3	94,8	85,4	87,4
Нет	2,5	5,7	5,2	14,6	12,6
<i>При свекре, тесте (отце мужа, жены)</i>					
Да	56,9	3,6	47,9	10,8	11,9
Нет	43,1	96,4	52,1	89,2	88,1
<i>При прочих родственниках</i>					
Да	61,3	40,6	66,7	42,5	40,6
Нет	38,7	59,4	33,3	57,5	59,4
<i>При посторонних</i>					
Да	67,4	5,6	50,0	11,0	12,4
Нет	32,6	94,4	50,0	89,0	87,6

Наиболее выраженные расхождения в установках респондентов по рассматриваемым республикам наблюдаются в отношении обычаев избегания в присутствии посторонних. На первом этапе исследования около трети населения в Карачаево-Черкесии и практически вдвое больше жителей Ингушетии (94,4 %) указали на то, что в их семье женщины не участвуют в общей трапезе при посторонних. На современном этапе данный запрет соблюдается в половине случаев в Кабардино-Балкарии, и в 87,6 % — в Ингушетии и Адыгее (табл. 7).

Ценностно-нормативные предпочтения жителей Северного Кавказа в отношении *гендерного выражения публичных форм социальной активности* также обусловлены этногендерной принадлежностью опрашиваемых. Результаты опроса в 2004 г. показали, что для значительного числа населения Северного Кавказа работающая женщина еще с советского времени остается культурной нормой. Особенно это касается таких традиционно «женских» сфер занятости, как медицина и образование, не вызывающих отторжения у основной части опрашиваемых в республиках (табл. 8).

Сегрегация гендерного типа выявляется в отношении карьерного продвижения женщин в сфере бизнеса, особенно это заметно в установ-

ках ингушских мужчин. Модернизированные ценности, нивелирующие обусловленность сфер занятости половой принадлежностью, присущи основной части женского населения Карачаево-Черкесии и представителям обеих гендерных подгрупп Ростовской области. Зато карьерный рост женщин в «силовых ведомствах» большинством опрошенных в гендерном срезе воспринимается отрицательно (табл. 8).

Эмпирическое изучение в 2004 г. ценностного восприятия общественно-политической активности женщин фиксирует, что большинство представителей карачаево-черкесского и ростовского сегментов готовы рассматривать политику и власть как сферу гендерного партнерства. В Республике Ингушетия наблюдается наибольший диссонанс в установках полов по поводу активного участия женщин в политической деятельности. Здесь подавляющее число мужчин высказываются против, а ответы женщин примерно в равных пропорциях разделились между одобрением, безразличием и неприятием (табл. 8).

Таблица 8

**Распределение по группам ответов на вопрос:
«Одобряете ли вы активное участие женщины...» (опрос 2004 г.)**

	КЧР			РИ			РО		
	да	безразлично	нет	да	безразлично	нет	да	безразлично	нет
<i>В производственной деятельности</i>									
муж	70,0	10,0	20,0	21,4	7,1	71,4	52,2	30,4	17,4
жен	64,7	30,6	4,7	45,7	30,0	24,3	69,6	21,7	8,7
<i>В бизнес-карьере</i>									
муж	50,0	16,7	33,3	2,8	13,9	83,3	47,8	26,1	26,1
жен	71,1	16,9	12,0	75,3	15,1	9,6	87,0	6,5	6,5
<i>В области медицины и образования</i>									
муж	85,0	10,0	5,0	72,3	12,8	14,9	82,6	17,4	0,0
жен	95,2	4,8	0,0	90,9	3,9	5,2	91,1	6,7	2,2
<i>В «силовых» ведомствах</i>									
муж	30,0	5,0	65,0	2,6	5,3	92,1	8,7	34,8	56,5
жен	13,0	29,9	57,1	13,4	20,9	65,7	31,1	37,8	31,1
<i>В политике</i>									
муж	25,0	30,0	45,0	5,0	2,5	92,5	21,7	13,0	65,2
жен	43,4	37,3	19,3	36,2	31,9	31,9	52,2	30,4	17,4

Исследование 2010 г. показывает, что у большинства опрошенных различных территориальных субъектов северокавказского региона сохраняется одобрение трудовой занятости женщин в сферах медицины

и образования. В то же время эмпирические показатели демонстрируют *определенное снижение положительного отношения мужчин к профессиональной реализации женщин в производстве и бизнесе*. Наиболее консервативно настроены мужчины из Ингушетии и Адыгеи, более индифферентно — из Кабардино-Балкарии. В Ростовской области ситуация иная — здесь фиксируется, наоборот, рост позитивной оценки мужчинами бизнес-карьеры женщин (табл. 9).

Активное участие женщин в работе «силовых» ведомств и политических структур на современном этапе продолжает негативно восприниматься основной частью как мужчин, так и женщин Республики Ингушетия и Республики Адыгея, а также мужчинами Кабардино-Балкарии. На фоне роста отрицательного отношения к этому явлению мужчин северокавказских республик за исследуемый период *наметилась тенденция роста нейтрального или положительного отношения к нему женщин*. В «ростовском сегменте» за прошедшие 6 лет фиксируется видимое смещение установок среди женщин, а особенно среди мужчин, большее число которых готово рассматривать бизнес, политику и власть как сферу гендерного партнерства (табл. 9).

Таблица 9

Распределение по группам ответов на вопрос:
«Одобряете ли вы активное участие женщины...» (опрос 2010 г.)

	КБР			РИ			РА			РО		
	да	безразлично	нет	да	безразлично	нет	да	безразлично	нет	Да	безразлично	Нет
	<i>В производственной деятельности</i>											
муж	26,3	34,2	39,5	29,3	31,1	39,6	31,7	34,1	34,1	50,8	24,2	25,0
жен	62,1	23,0	14,9	55,3	24,5	20,2	54,3	24,5	21,3	59,9	30,6	9,6
	<i>В бизнес-карьере</i>											
муж	24,3	40,5	35,1	29,3	22,7	48,0	29,3	24,4	46,3	59,7	22,4	17,9
жен	80,9	11,2	7,9	68,1	17,0	15,0	68,1	16,0	16,0	75,2	18,0	6,8
	<i>В области медицины и образования</i>											
муж	86,5	10,8	2,7	69,2	18,5	12,3	69,2	20,5	10,3	79,1	14,9	6,0
жен	94,3	4,5	1,1	86,0	9,3	4,7	89,0	6,6	4,4	83,1	15,0	1,9
	<i>В «силовых» ведомствах</i>											
муж	19,4	8,3	72,2	15,8	10,5	73,7	15,8	7,9	76,3	38,8	18,7	42,5
жен	38,6	20,5	40,9	22,7	19,3	58,0	22,7	20,5	56,8	43,8	26,3	30,0
	<i>В политике</i>											
муж	27,0	16,2	56,8	14,6	29,3	56,1	17,1	29,3	53,7	50,0	22,0	28,0
жен	62,9	22,5	14,6	55,6	14,7	27,8	54,4	15,6	30,0	59,4	27,5	13,1

Анализ динамики гендерных установок населения Северного Кавказа в процессе модернизационного перехода позволяет сделать следующие выводы.

Социетальные ценности, регулирующие организацию семейной жизни населения Северного Кавказа, продолжают характеризоваться преимущественно традиционалистской направленностью. Доминирующее число мужчин данного региона и в 2004 г., и в 2010 г. ориентированы на традиционный гендерный дисплей — оценку своего семейного статуса как лидирующего и поддержание межполового разделения труда, хотя эмпирические материалы позволяют говорить о тенденции декомпозиции консервативных гендерных паттернов в подгруппе женщин, проживающих в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, многие из которых выражают установку на выравнивание гендерной иерархии в семейной сфере. Сильнее всего этнокультурные традиции в организации приватного пространства выражены в Ингушетии и Адыгее. Компромисс между традициями и новациями наблюдается в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, а наиболее выражены современные нормы внутрисемейного взаимодействия в Ростовской области.

Вместе с тем в исследуемый период в республиках Северного Кавказа наблюдается тенденция роста статусных позиций старшего мужчины в семье (его роли как главы семьи, значимости возрастных характеристик в определении лидерства, участия в распределении доходов семьи и пр.). В Ингушетии и Адыгее возросли также показатели консервативности в поддержании традиционных норм этнокультуры (принципы вступления в брак, обычаи семейного этикета).

На современном этапе развития полиэтничных территорий Юга России уже не столь выраженной является традиционная гендерная поляризация императивов приватного и публичного. Для значительного числа населения Северного Кавказа работающая женщина еще с советского времени воспринимается в качестве нормы. Однако нами была выявлена гендерная сегрегация в отношении профессиональной самореализации и карьерного продвижения женщин, а также их общественно-политической активности (об этом свидетельствуют результаты опроса ингушских и адыгейских мужчин, причем от опроса 2006 к исследованию 2010 гг. подобные установки нарастают). Модернизированные ценности, предполагающие нивелирование обусловленности сфер занятости половой принадлежностью, проявились в нашем исследовании у основной части женского населения Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, а также у представителей обеих гендерных подгрупп Ростовской области (и здесь позитивные оценки за исследуемый период несколько возросли).

Таким образом, можно заключить, что сфера гендерных отношений в северокавказском регионе характеризуется преимущественно традиционалистским содержанием в Республике Ингушетии и Адыгее, что говорит об антимодернистском потенциале социокультурных практик населения. Результаты наших эмпирических исследований за период с 2004 по 2010 гг. позволяют выявить тенденцию роста ориентаций на возврат к этнонациональным традициям. В Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии в ходе опросов проявился достаточно заметный уровень трансформации консервативных гендерных референций, который особенно выражен среди женской части ее жителей. Однако мужчины в своем большинстве продолжают оказывать сопротивление модернизационным подвижкам. Среди респондентов Ростовской области ценности и нормы, регулирующие гендерное взаимодействие, в наибольшей степени соответствуют эгалитарному характеру организации социальной жизни.

Выявленные в ходе исследования тенденции могут дать основания для формулировки гипотезы о наличии *трех типов гендерных отношений* на Юге России. На основании *двух критериев*: 1) содержание установок на характер гендерного взаимодействия в публичной и приватной сферах (степень выраженности традиционалистских либо модернизированных ориентаций) и 2) совпадение (несовпадение) гендерных подгрупп в данных установках, можно выделить *консервативный тип* гендерных отношений, проявляющийся в Республиках Ингушетия и Адыгея, *переходный тип* — в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии и *модернизированный тип* — в Ростовской области. Для подтверждения и конкретизации данной гипотезы необходимо проведение более масштабных и комплексных с точки зрения методологии, изучаемой проблематики и техники реализации социологических исследований в регионе.

Литература

Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М.: Альфа-М, 2008.

Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998.

Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д: РГПУ, 2003.

Дзуцев Х. Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений: этносоциологический анализ. Владикавказ: Проект Пресс, 1998.

Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

Клименко Л.В. Гендерные отношения в контексте социальной динамики традиционных культур народов Северного Кавказа. Дисс. канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2004.

Клименко Л.В. Современные тенденции динамики гендерных отношений...

Кузнецова Т.Г. Этнокультурные особенности семейно-брачных отношений у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX вв. // Социальные изменения. Ценности. Духовность. Сборник научных трудов. Ростов н/Д, 2002.

Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2008.

Смирнова Я.С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1997. № 4.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

Тыкова А.А. Эволюция социального статуса адыгской женщины в обществе. Гендерный подход. Майкоп: Изд-во МГТУ, 2006.

Хоперская Л. Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д: СКАГС, 1997.

Шоранова З.В. Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа. Автореф. дис. Нальчик, 2010.

Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сборник научных статей / Гл. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Омега-Л, 1998.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Исследование 2004 г. Параметры выборки (в %)

№	Пол	РИ (N=334)	КЧР (N=270)	РО (N=276)
1	мужской	36,3	37,9	39,3
2	женский	63,7	62,1	60,7
	Образование	РИ	КЧР	РО
1	неполное среднее	1,5	-	-
2	полное среднее	3,0	2,2	2,9
3	среднее специальное	18,7	24,9	24,5
4	незаконченное высшее	10,4	7,4	10,1
5	высшее	66,4	65,5	62,5
	Возраст	РИ	КЧР	РО
1	16-24	12,7	13,6	16,3
2	25-34	38,8	37,5	37,7
3	35-44	31,3	29,9	26,1
4	45-60	15,7	14,2	15,9
5	старше 60 лет	1,5	4,8	4,0

Исследование 2010 г. Параметры выборки (в %)

№	Пол	РИ (N=300)	РА (N=300)	КБР (N=262)	РО (N=300)
1	мужской	39,3	38,3	39,9	40,5
2	женский	60,7	61,7	60,1	59,5
	Образование	РИ	РА	КБР	РО
1	неполное среднее	4,1	1,0	-	3,4
2	полное среднее	4,7	3,7	6,6	5,5
3	среднее специальное	15,9	16,0	11,6	18,2
4	незаконченное высшее	14,7	14,6	15,4	14,7
5	высшее	60,6	64,7	66,4	58,2
	Возраст	РИ	РА	КБР	РО
1	16-24	22,2	23,1	28,9	25,1
2	25-34	30,2	31,2	32,6	28,4
3	35-44	26,5	25,2	21,7	27,3
4	45-60	18,4	19,1	14,3	14,3
5	старше 60 лет	2,7	1,4	2,5	4,9